

УДК 821.161.1

Типология личностей в лагерной прозе Б.Н. Ширяева, О.В. Волкова, Д.С. Лихачева

Ефимова Алла Николаевна

Преподаватель,
кафедра языковых дисциплин,
Казахстанско-Российский медицинский университет,
050060, Республика Казахстан, Алматы, ул. Торекулова, 71;
e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

Аннотация

В статье на материале трех произведений автобиографической лагерной прозы рассмотрены особенности трансформации нравственного облика человека в условиях лагерного заключения. Сопоставительный анализ этих произведений позволил представить типологическую классификацию и выделить среди узников несколько нравственно-психологических типов личностей. Первый тип – деградирующий. Это преимущественно уголовники, которые и так уже находятся по иную сторону от нравственных ценностей. В заключении они грубеют, нравственно разлагаются, становятся закоренелыми преступниками. Но тюрьма действует негативно не только на уголовников. Разные виды деградации в условиях заключения широко представлены у О.В. Волкова. Сюда можно отнести малодушных, сломленных, не желающих переносить страдания. Второй тип личности – это люди, внутренне сопротивляющиеся среде, сохраняющие в себе человеческие качества. Третий тип – духовно растущие люди. Это люди, которых страдание в условиях заключения заставляет обратить свой взор вглубь своей души, к Богу, задуматься о вечном. Четвертый тип личности – это светильники веры, праведники, подвижники. Они переносят скорби мужественно, безропотно, благодушно или радостно и даже сами иногда ищут страданий, чувствуя великую помощь Божию и видя в скорбях очищающую силу. Условия заключения выявляют суть души человека, являясь, с одной стороны, проверкой на прочность, а с другой – катализатором стремлений души к высшему или низшему. Лагерная проза дает большой материал для изучения психологии и нравственной эволюции личности.

Для цитирования в научных исследованиях

Ефимова А.Н. Типология личностей в лагерной прозе Б.Н. Ширяева, О.В. Волкова, Д.С. Лихачева // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 155-163.

Ключевые слова

Человек, типология, личность, лагерная проза, автобиографизм, трансформация, христианская антропология.

Введение

Цель нашего исследования – рассмотреть особенности трансформации нравственного облика человека в условиях лагерного заключения. Три выбранные для изучения произведения, «Неугасимая лампада» Б.Н. Ширяева, «Погружение во тьму» О.В. Волкова, «Мысли о жизни» Д.С. Лихачева, относятся к жанру автобиографической прозы. В них запечатлен уникальный жизненный опыт авторов в сочетании с аналитическим обобщением событий своей жизни. Именно такая проза, по мнению Л.Я. Гинзбург, передает «никаким искусством невозместимое переживание подлинности жизненного события» [Гинзбург, 1976, 11]. Актуальность исследования продиктована недостаточной изученностью поэтики лагерной прозы, недостаточной исчерпанностью осмысления ее воспитательного и духовно-нравственного потенциала.

Все три автора, несмотря на то, что испили горькую чашу страдания до дна, пишут и о позитивном опыте, приобретенном в условиях несвободы. Д.С. Лихачев особенно акцентирует внимание на этом: «Естественно, что в моей своего рода «автобиографии»... доминируют положительные воздействия, ибо отрицательные чаще забываются. Человек чаще хранит память благодатную, чем память злую» [Лихачев, 2013, 8]. Жизнь в заключении и страданиях способствовала не деградации, а эволюции их через обращение от «человека внешнего» (живущего рассеянной жизнью) к «человеку внутреннему».

Анализируя их произведения, мы видим, что несвобода, страдание не на всех действуют благотворно. О целесообразности скорбей размышляет священник Александр Ельчанинов: «Когда человек доходит до такого положения, когда ему закрыты все пути в горизонтальной плоскости, ему открывается *дорога вверх!* И вода, стиснутая со всех сторон, подымается вверх, и душа, сжатая, сдавленная, стесненная скорбью, подымается к небу!» [Ельчанинов, 1996, 102] Но страдание, являясь миссионером преображения, само по себе не может изменить к лучшему человека без должного отношения к нему самого человека, то есть духовный рост зависит от того, как человек воспринимает страдание.

**Типы личностей узников по их восприятию
скорбей в условиях заключения**

Сопоставительный анализ этих произведений позволит представить типологическую классификацию и выделить среди узников несколько нравственно-психологических типов личностей.

Первый тип можно назвать *деградирующий*. Это чаще уголовники, которые и так уже находятся по иную сторону от нравственных ценностей. В заключении они грубеют, нравственно разлагаются, становятся закоренелыми преступниками. Не зря о них категорично высказывается В. Шаламов: «...воры – не люди» [Шаламов, 2004, 265]. Некоторые из них вообще превращались в монстров, как, например, Френкель, о котором пишет Б.Н. Ширяев [Ширяев, 2007]. Натан Френкель, крупный одесский контрабандист, оказавшись осужденным на Соловках, со временем стал убийцей миллионов своих собратьев. Спасая свою шкуру и добиваясь льгот, он превратил жизнь заключенных, и так тяжелую, в сущий ад, предложив создать систему максимального выжимания из осужденных последних сил, быстро доводя их до могилы. «Во главе этой новой гигантской системы стоял Н.А. Френкель, превратившийся из картежника с высшим сроком в неограниченного повелителя миллионов жизней, орденосца и Героя Социалистического Труда» [Там же].

Но тюрьма действует негативно не только на уголовников. Филип Зимбардо, профессор, психолог, автор знаменитого Стэнфордского тюремного эксперимента, пытаясь выяснить, что сильнее – хорошие люди или плохая ситуация, пришел к выводу, что тюрьма действует растлевающе на человека: «...эксперимент превратился в яркую иллюстрацию тлетворного воздействия плохих систем и плохих ситуаций, их способности заставить хороших людей вести себя патологическим образом, чуждым их природе» [Зимбардо, 2014, 310]. Причем разлагающее действие тюрьма оказывает как на заключенных, так и на охранников.

Великий предшественник политических узников XX века, Федор Михайлович Достоевский, писал о тех, кто испытал власть над телом, кровью и духом другого человека, кто испытал полную возможность унижить другое существо, носящее на себе образ Божий: «Кровь и власть пьянят: развиваются за grubелость, разврат; уму и чувству становятся и, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен» [Достоевский, 1956, 595].

Разные виды деградации в условиях заключения широко представлены у О.В. Волкова. Сюда можно отнести малодушных, сломленных, не желающих переносить страдания. Некоторые из них начинают разыгрывать роль тронувшегося умом, или, как говорят зэки на тюремном жаргоне, «косит на психа» [Волков, 2014, 68]. Малодушно уцепился за роль юродивого инженер Литвиненко, надеясь спрятаться за ней от реальной действительности, но не спасает его эта личина, так как невыгодная эта роль в лагере.

Один из путей деградации – это неспособность справиться с голодом, когда человек позволяет себе устранить барьеры, сдерживающие животное начало. «Мне они внове, – пишет О.В. Волков, – я смотрю на них с ужасом. Жалость вытесняется отвращением: человеку ни на какой степени отчаяния недопустимо обращаться в пожирающую отбросы тварь» [Там же, 295].

Иван Михайлович Андреевский, школьный учитель Д.С. Лихачева и руководитель их братства, сидел по тому же делу с ним на Соловках. Он написал статью в журнал «Соловец-

кие острова» об определенном типе деградации на Соловках, он даже называл это особым психическим заболеванием. Болезнь проявлялась в том, что заболевшие ею люди разными способами пытались улучшить свое положение (захватить чуть больше еды, занять хорошее место на нарах, искать выгодных знакомств и т. д.), полностью заикливаясь на этом, но все равно погибали раньше других [Лихачев, 2013].

Второй тип личности – это люди, внутренне сопротивляющиеся среде и сохраняющие в себе человеческие качества. Они сопротивляются дурному воздействию среды, используют любую возможность, чтобы заняться творчеством, наукой, размышлять, мечтать, часто с юмором относясь к окружающему и т. д. Они становятся мужественнее, крепче, приобретают твердость характера. О них подробно написано у Б.Н. Ширяева и Д.С. Лихачева. Б.Н. Ширяев с восторгом вспоминает и подробно рассказывает о соловецком театре. «Нигде так не любят, не ценят своего театра, как на каторге. Нигде так не гордятся им и актеры, и зрители. <...> Театр на каторге – экзамен на право считать себя человеком. Восстановление в этом отнятом праве» [Ширяев, 2007, 53].

О значимости театра в заключении много говорится в лагерной прозе и у других авторов, прошедших лагеря и тюрьмы. Подробно написано на эту тему в повести А.Б. Никольской «Передай дальше». Ей самой в лагере пришлось быть и сценаристом, и режиссером, и актрисой театра. Она пишет, что для актеров было подвигом приходиться на репетиции после изнурительного трудового дня, но они говорили ей, что таким образом они уходили из лагеря на свободу [Никольская, 1989]. Д.С. Лихачев подчеркивает чрезвычайную важность музея и театра в жизни заключенных: «Они не только спасли жизнь многим интеллигентным людям, но позволили не прекращать до известной степени жить умственной жизнью» [Лихачев, 2013, 169-170].

Третий тип – это духовно растущие люди. Люди, которых страдание в условиях заключения заставляет обратить свой взор вглубь своей души, к Богу, задуматься о вечном. Это те, кто раньше жил рассеянной жизнью, не думая о смысле своей жизни, как, например, О.В. Волков, Б.Н. Ширяев, а также те, кто, будучи верующим, как Д.С. Лихачев, пройдя через горнило страданий, близость смерти, восходят на более высокий уровень развития души. Д.С. Лихачев утверждает, что было немало людей, которые не только сохраняли свое человеческое достоинство, но и по-новому осмысливали свою прежнюю и настоящую жизнь, а также бытие вообще в духовном масштабе [Там же].

Если творчество, умственная жизнь позволяли не умереть человеческому в каждом из авторов (Б.Н. Ширяеву важен театр, О.В. Волкову – мысленное написание романов и статей, Д. Лихачеву – работа в музее и общение с более образованными людьми), то общение с людьми глубоко верующими, пример их подвижнического стояния в вере пробудили желание идти дальше по пути духовного становления.

Четвертый тип личности – это светильники веры, праведники, подвижники. Они переносят скорби мужественно, безропотно, благодушно или радостно и даже сами иногда ищут

страданий, чувствуя великую помощь Божию и видя в скорбях очищающую силу. Старец Зосима из Троице-Сергиевой лавры пишет: «Несчастья и горести посылаются нам Проведением для испытания нас, для укрепления нас в жизни подвижнической» [Пестов, 2014, т. 1, 435]. Они еще и сами являются миссионерами преображения для других заключенных. Для кого-то они являют собой поддержку и тепло, для других они становятся опорой и духовным ориентиром, а третьих они пробуждают от духовной спячки. Конечно же, здесь необходимо сказать о священниках и их влиянии людей. Множество православного духовенства находилось на Соловках.

О ныне канонизированном РПЦ святом Иларионе Троицком с восхищением вспоминают Б.Н. Ширяев и О.В. Волков. Святитель Иларион Троицкий – легендарная личность, обладающая крепкой верой и даром слова, в котором удивительно сочетались ученость иерарха, аскетизм, простота в обращении, понимание жизни и любовь к ней. Б.Н. Ширяев сравнивает его с древними и нетленными сказами соловецких камней: «Одним из таких новых, но столь же несокрушимых, как прежние, камней соловецкой обители духа стал архиепископ, владыка Иларион» [Ширяев, 2007, 329]. Даже сам начальник лагеря Эйхманс с уважением относился к нему.

Во время архангельской ссылки О.В. Волков, несмотря на запреты властей, общался со святителем Лукой (Войно-Ясенецким), известным хирургом и профессором, недавно причисленным к лику святых. Святитель добился от властей, чтобы в больнице исповедовались и причащались больные и чтобы без молитвы не проводились операции. Атеистической власти приходилось терпеть это ради его таланта хирурга и мужества. Преосвященный не беспокоился о себе, но переживал за тех, которые могли пострадать из-за общения с ним [Волков, 2014, 252].

В унисон звучат воспоминания О.В. Волкова и Д.С. Лихачева о Георгии Осоргине. Он остался в памяти автора как бодрый, улыбчивый и независимый человек. Его несломленность вызывала уважение у уголовников и раздражение у начальства. Георгий Осоргин был глубоко верующим человеком. Они с благодарностью вспоминают, как он, находясь на должности делопроизводителя санчасти, спасал от общих тяжелых работ многих интеллигентов, устраивая их на более легкие работы, укладывая в больницу. С болью в сердце и с восхищением пишут о последних днях жизни Георгия Осоргина. Он знал о предстоящем расстреле, но ни словом, ни видом не дал знать о смертном приговоре приехавшей на свидание жене. Такое поведение выявляет сущность человека и объясняется глубокой верой человека, когда он полностью предает себя в руки Божии, покоряясь Его воле.

Некоторые аспекты христианской антропологии

Митрополит Антоний (Храповицкий), известный иерарх и богослов, в своем труде «Пастырское богословие» (глава «Пастырское изучение людей и жизни по сочинениям Ф.М. До-

стоевского») объясняет, кто и что способствует возрождению, кто и что побуждает человека к самоуглублению. Он перечисляет качества людей, которыми должны обладать служители возрождения и любви: «...этот дар достигается теми, кто 1) познав внутренним опытом сладость истины и общения с Богом; 2) возлюбил так много жизнь со скорбью и надеждой, что 3) совершенно потерял нить своей личной жизни и, умерши себе; 4) не чрез искусственную проповедь, но чрез исповедь, чрез раскрытия своего сердца и чрез всю свою жизнь призывает братьев к покаянию и любви» [Антоний (Храповицкий), 1994, 260]. И затем он говорит о том, что служителем возрождения душ, прежде всего, является тип религиозный или прямо церковный, который обладает в большей или меньшей степени этими качествами. Вполне очевидно, что вышеперечисленные личности, относящиеся к четвертому типу (митрополит Иларион, святитель Лука, Георгий Осоргин), являются миссионерами возрождения.

Еще одним основным миссионером является страдание. Митрополит Антоний делает вывод: «В страданиях, так чудесно постигающих человека в самые опасные минуты его жизни, проповедником покаяния является Сам Господь, как неожиданный помощник отчаивающихся друзей грешника. Истошив все усилия к его обращению, последние вдруг получают желаемое, но не от себя, а от руки Божией» [Там же, 264]. А так как жизнь в условиях заключения, описываемая в рассматриваемых произведениях лагерной прозы, вся пронизана страданием, то понятно, что оно и является основным миссионером возрождения. Как известно, существует закон взаимного влияния людей друг на друга. Архимандрит Иоанн Крестьянкин пишет: «Основной закон духовного совершенства – окружение себя обстановкой, возвышающей, а не принижающей уровень души» [Пестов, 2014, т. 1, 265]. Н.Е. Пестов разъясняет, что важным условием для подражания являются взаимная симпатия, доверие, любовь и что эти чувства служат проводниками идей от одной души к другой, а антипатия защищает душу от подражания. Примеры такого рода воздействий можно было наблюдать у всех рассмотренных авторов.

Таким образом, естественно возникает вывод о непременном изменении человеческой личности в условиях заключения в ту или иную сторону. Как уже было сказано, можно выделить четыре основных типа трансформации личности: деградирующий, сохраняющий человеческие качества, возрастающий духовно и тип светильников веры.

Наблюдается несомненная связь данной типологии с градацией личностей в православной антропологии по состоянию души на людей плотских, душевных и духовных. Архимандрит Софроний Сахаров, известный христианский мыслитель и писатель, пишет: «Плотский человек – предавшийся плотским страстям и греху – находится в состоянии неестественном (для человеческого естества)» [Софроний (Сахаров), 2001, 293]. Данное состояние можно обозначить как тяготение к скотскому или звериному существованию человека. Нет сомнения, что с этой категорией соотносится первый тип, т. е. деградирующий. Душевного человека он описывает так: «...это человек, живущий в пределах падшего человеческого естества» [Там же, 292]. О душевном человеке он еще говорит, что ему «свойственно стремиться

к Богу, к Правде (это в известной мере). Но сам он – естественными своими силами, хотя и имеет от Бога по естеству дар свободы, не может преодолеть греха, освободиться от насилия дьявольского» [Там же, 293]. Здесь мы видим второй тип, т. е. людей, сохранивших человеческие качества. Высшая ступень развития – это человек духовный: «...обновленный во Христе благодатию Святого Духа. Это состояние можно считать (да оно и есть в совершенной степени) вышеестественным» [Там же, 292-293]. И он приводит слова преподобного Симеона Нового Богослова, который «духовным» называет водимого Духом Святым [Там же, 292]. Последнее определение относится к четвертому типу, т. е. светильникам веры. Третий тип (растущие) можно отнести к душевно-духовному, иными словами, стремящемуся к духовному.

Выводы

Условия заключения выявляют суть души человека, являясь, с одной стороны, проверкой на прочность, а с другой – катализатором стремлений души к высшему или низшему. Лагерная проза дает большой материал для изучения психологии и эволюции личности. Л.Я. Гинзбург в своей монографии пишет, что автобиографический персонаж является фокусом преломления огромного, бесконечно многообразного мира объективной действительности. Тем более это можно сказать о действительности в условиях заключения.

Библиография

1. Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. М.: Издание Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря, 1994. 326 с.
2. Волков О.В. Погружение во тьму. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. 544 с.
3. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: Художественная литература, 1976. 448 с.
4. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Собрание сочинений в 10 томах. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. Т. 3. С. 389-702.
5. Ельчанинов А., свящ. Записи. М.: Издательство Сретенского монастыря, 1996. 173 с.
6. Зимбардо Ф. Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 740 с.
7. Лихачев Д.С. Мысли о жизни. Воспоминания. СПб.: Азбука-Аттикус, 2013. 480 с.
8. Никольская А.Б. Передай дальше! Алма-Ата: Жазушы, 1989. 272 с.
9. Пестов Н.Е. Современная практика православного благочестия в 2 томах. М.: Братство святого апостола Иоанна Богослова, 2014. Т. 1. 736 с.
10. Софроний (Сахаров), архим. Подвиг богопознания. Письма с Афона (к Д. Бальфуру). М.: Паломникъ, 2001. 368 с.

11. Шаламов В.Т. Новая книга. Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004. 1072 с.
12. Ширяев Б.Н. Неугасимая лампада. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2007. 432 с.

The typology of personalities in the camp prose by B.N. Shiryayev, O.V. Volkov, D.S. Likhachev

Alla N. Efimova

Lecturer,
Department of language disciplines,
Kazakh-Russian Medical University,
050060, 71 Torekulova st., Almaty, Republic of Kazakhstan;
e-mail: alla_almatinskaya@inbox.ru

Abstract

The article uses three pieces of autobiographical camp prose in order to reveal the peculiarities of the transformation of the moral character of a person in conditions of imprisonment in a camp. The comparative analysis of these works helps the author of the article to develop a typological classification and to divide camp prisoners into several moral and psychological types of personality. The first type is called "degrading". It includes criminals that are already on the other side of moral values. In a camp, they grow callous, undergo moral decay, and become hardened criminals. The second personality type includes people, internally resisting the environment and preserving the human qualities. The third type is called "spiritually growing people". These are people whose suffering in detention makes them look inside their soul and think about the eternal. The fourth personality type includes the lamps of faith, righteous people, ascetics. They bravely overcome sorrow without complaining; sometimes they look for suffering, experiencing God's great help and seeing a purifying power in sorrow. The author points out that detention reveals the essence of the human soul. Camp prose provides a lot of material to study psychology and the moral evolution of an individual.

For citation

Efimova A.N. (2016) Tipologiya lichnostei v lagernoi proze B.N. Shiryayeva, O.V. Volkova, D.S. Likhacheva [The typology of personalities in the camp prose by B.N. Shiryayev, O.V. Volkov, D.S. Likhachev]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 2, pp. 155-163.

Keywords

Man, typology, personality, camp prose, autobiographism, transformation, Christian anthropology.

References

1. Antonii (Khrapovitskii) (1994) *Pastyrsкое bogoslovie* [Pastoral theology]. Moscow: Holy Dormition Pskovo-Pechersky (Pskov-Caves) Monastery.
2. Dostoevskii F.M. (1956) *Zapiski iz Mertvogo doma* [The house of the dead]. In: *Sobranie sochinenii v 10 tomakh* [Collected works in 10 volumes], Vol. 3. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury Publ., pp. 389-702.
3. El'chaninov A. (1996) *Zapisi* [Records]. Moscow: Sretensky Monastery.
4. Ginzburg L.Ya. (1976) *O psikhologicheskoi proze* [On psychological prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura Publ.
5. Likhachev D.S. (2013) *Mysli o zhizni. Vospominaniya* [Thoughts about life. Memoirs]. St. Petersburg: Azbuka-Attikus Publ.
6. Nikol'skaya A.B. (1989) *Peredai dal'she!* [Pass it on!]. Alma-Ata: Zhazushy Publ.
7. Pestov N.E. (2014) *Sovremennaya praktika pravoslavnogo blagochestiya v 2 tomakh* [The modern practice of Orthodox piety in 2 volumes], Vol. 1. Moscow: Brotherhood of the Apostle John the Theologian.
8. Shalamov V.T. (2004) *Novaya kniga. Vospominaniya. Zapisnye knizhki. Perepiska. Sledstvennye dela* [A new book. Memoirs. Notebooks. Correspondence. Investigatory records]. Moscow: Eksmo Publ.
9. Shiryaev B.N. (2007) *Neugasimaya lampada* [An inextinguishable icon-lamp]. Moscow: Sretensky Monastery.
10. Sofronii (Sakharov) (2001) *Podvig bogopoznaniya. Pis'ma s Afona (k D. Bal'furu)* [The feat of knowing God. Letters from Mount Athos (to D. Balfour)]. Moscow: Palomnik" Publ.
11. Volkov O.V. (2014) *Pogruzhenie vo t'mu* [Immersion into the darkness]. Moscow: Brotherhood of the Apostle John the Theologian.
12. Zimbardo P. (2007) *The Lucifer effect: understanding how good people turn evil*. New York: Random House. (Russ. ed.: Zimbardo F. (2014) *Effekt Lyutsifera. Pochemu khoroshie lyudi prevrashchayutsya v zlodeev*. Moscow: Al'pina non-fikshn Publ.)